

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АПОЛЛОНИЯ ДИСКОЛА

Вопрос о категории падежа в учениях древнегреческих грамматиков принадлежит к числу тех вопросов, к которым исследователи истории античной лингвистики обращаются периодически на протяжении уже почти двух столетий научных занятий в этой области. Ощутимый вклад в разработку проблемы был сделан в XIX в. Ф. Тренделенбургом и Г. Шеманном, в XX в. – Э. Зиттигом, М. Поленцем, Р. Гирше и другими. Тем не менее, несмотря на большое число работ по данной проблеме, вопрос не оказался исчерпанным и окончательно проясненным. Это утверждение касается трактовки категории падежа в учениях античных грамматиков как по теоретическому ее содержанию, так и по прояснению семантической мотивировки технических терминов, применяемых к этой грамматической категории.

Общепризнанно, что основной оппозицией, выделяемой античными грамматиками в рамках категории падежа, была оппозиция номинатива и косвенных падежей, что наглядно отразилось в соответствующей терминологии, противопоставляющей прямой и косвенные (“наклонные”) падежи (ὀρθή, или εὐθεῖα, с одной стороны, и πλάγιοι πτώσεις, с другой).

Этот факт сомнению не подлежит. Однако попытки найти обоснование подобного противопоставления у античных грамматиков не свободны, как кажется, от некоторых противоречий.

Прежде всего, когда указывают на то, что выделение названной оппозиции основывается на противопоставлении подлежащего и дополнения, как-то забывают о том очевидном факте, что и теория членов предложения, и, разумеется, анализ предложения в соответствии с такой теорией совершенно чужды древнегреческой грамматической науке. Иногда, правда, выражаются более осторожно, говоря, что в употреблении Аполлонием Дисколом терминов ‘прямой падеж’ и ‘косвенный падеж’ предвосхищается современное употребление терминов ‘подлежащее’ и ‘дополнение’. Подобные замечания практически лишают построения античного грамматика самостоятельного интереса.¹ В целом даже неясно, какую познавательную ценность имеют такие утверждения.

¹ Ср., к примеру, утверждения в статье: Р. М. Оленич. Александрийская грамматическая школа // *История лингвистических учений. Древний мир* (Л. 1980) 231.

Так, Р. М. Оленич говорит: “Аполлоний Дискол не знает терминов ‘подлежащее’, ‘сказуемое’. Грамматик утверждает, что нет предложения без имени и глагола; в данном случае под именем и глаголом имеются в виду подлежащее и сказуемое предложения, для которых у Аполлония нет специальных названий: именительный падеж при личном глаголе рассматривается им как подлежащее, глагол – как сказуемое”.²

Далее: “Аполлоний также подчеркивает, что всякая спрягаемая глагольная форма своим окончанием указывает на именительный падеж одного из трех грамматических лиц, то есть речь идет опять-таки о подлежащем и сказуемом”.³

Наконец: “Специального термина для понятия ‘дополнение’ у Аполлония нет. Для обозначения дополнения Аполлоний Дискол пользуется главным образом названиями косвенных падежей: *ὑενικῆ πτωσις, δοτικῆ, αἰτιατικῆ*”.⁴

Создается впечатление, что Оленич констатирует некоторую ущербность лингвистической теории Аполлония Дискола, вытекающую из того, что этот грамматик не вводит понятий подлежащего, сказуемого и дополнения. Но если исследователь считает, что использование понятий подлежащего, сказуемого и дополнения – большой шаг вперед по сравнению с Аполлонием Дисколом, то следовало бы объяснить, в чем он состоит. Точнее, пояснить, что сам Оленич вкладывает в содержание этих понятий. Если же под подлежащим понимать номинатив (непредикативный) и то, что может функционировать в качестве номинатива в случае отсутствия последнего (например, инфинитив); под сказуемым – личную форму глагола и то, что может функционировать вместо нее (например, предикативный номинатив), а под дополнением – косвенный падеж, то перед нами практически простое удвоение терминов (или использование терминов с чуть более общим значением). Тогда подход Аполлония Дискола следует квалифицировать просто как более конкретный сравнительно с современной грамматической традицией. (Действительно, когда мы задаемся вопросом: “Где в этом предложении подлежащее и сказуемое?”, – то почти всегда он имеет смысл: “Где в этом предложении номинатив и глагол в личной форме?” или “Где в этом предложении то, что может выступать вместо них?”)

Попытка обосновать противопоставление прямого и косвенных падежей путем возведения к более общей философской оппозиции субъек-

² Там же, 230–231.

³ Там же, 231.

⁴ Там же.

екта и объекта также сопряжена с некоторой исторической неувязкой: противопоставление ‘субъект – объект’ в той форме, которая знакома нам, отсутствовало в античной философии. (Эта попытка прослеживается у Г. Ф. Шеманна.⁵ Очевидно, на него оказала влияние немецкая грамматическая традиция XIX в., а на последнюю, в свою очередь, немецкая классическая философия, в которой и была терминологически узаконена оппозиция субъекта – объекта.)

Датский филолог Я. Пинборг интерпретирует оппозицию ‘прямой / косвенный’ у Аполлония Дискола как противопоставление по признаку ‘действие / претерпевание’ (ἐνέργεια – πάθος).⁶ Он основывается на отрывке из трактата Аполлония Дискола “О синтаксисе”:

τὰς μὲν πλαγίας πτώσεις ἀναφέρεσθαι ἐπ’ εὐθείας τῶν μεταξὺ ῥημάτων τὴν μὲν ἐνέργειαν ταῖς εὐθείαις ἀναπεμπόντων, τὸ δὲ πάθος ταῖς πλαγίαις, ὡς Διονύσιος ἔτυψεν Θέωνα, ἐγὼ σε ἐτίμησα.⁷

Косвенные падежи находятся в таком отношении к прямым, при котором посредствующие глаголы уделяют действие прямым падежам, а претерпевание – косвенным, например, ‘Дионисий ударил Теона’, ‘я тебя почтил’.

Как можно легко заметить, интерпретация Я. Пинборга не является общей (универсальной) в том смысле, что она имеет силу только для случая активной конструкции. В пассивной же признак претерпевания будет усвоен прямому падежу, а признак действия – косвенному (дативу или предложно-падежному сочетанию).

Замечательно, что сам Аполлоний Дискол это сразу же оговаривает, то есть фактически признает лишь частичную объяснительную силу за признаком ἐνέργεια / πάθος применительно к противопоставлению падежей. Но Я. Пинборг это как бы игнорирует и не упоминает об оговорке Аполлония Дискола:

⁵ G. F. Schoemann. *Die Lehre von den Redeteilen nach den Alten dargestellt und beurteilt* (Berlin 1862) 15.

⁶ J. Pinborg. *Classical Antiquity: Greece // Current Trends in Linguistics*. Ed. by T. A. Sebeok. XIII, pt. 1 (The Hague – Paris 1975) 87.

⁷ *Grammatici Graeci*. Ed. G. Uhlig et R. Schneider. Partes I–IV (Lipsiae 1867–1910); pars II, vol. II, II § 141 (далее – GG). Не вполне понятное на первый взгляд выражение τὰ μεταξὺ ῥήματα (букв. “находящиеся посередине глаголы”) уясняется, если при поиске обоснования его мотивировки исходить не из порядка слов в греческом языке, а из синтаксической зависимости слов друг от друга в предложении. С этой точки зрения личная форма глагола, независимо от своего положения в высказывании относительно группы ‘номинатив + косвенный падеж’, грамматически занимает как бы среднее место между последними, оказываясь зависимой от номинатива и, в то же время, предполагаясь косвенным падежом.

τὸ δὲ πάθος ἐγγεγόμενον κατὰ τὰς πλαγίας μεθίστησιν αὐτὰς εἰς εὐθείαν, τῆς προκατειλεγμένης εὐθείας τρελομένης εἰς γενικὴν μετὰ τῆς ὑπὸ προθέσεως, ἐγὼ σε ἔδειρα, σὺ ἐδάρης ὑπ' ἐμοῦ.⁸

Претерпевание, оказавшееся в косвенных падежах, переставляет их в прямой падеж, если присутствовавший ранее прямой падеж обращается в генетив с предлогом ὑπό...

Мне представляется, что в лингвистической теории Аполлония Дискола содержится другая, более общая интерпретация оппозиции прямого и косвенных падежей.

1. Семантическая интерпретация противопоставления 'прямой – косвенный падеж'

На самом деле, по мнению Аполлония Дискола, всякий падеж обозначает не что иное как 'лицо' (πρόσωπον). В сочинениях Аполлония Дискола термин πρόσωπον используется по крайней мере в двух значениях: а) грамматическое лицо (1-е, 2-е, 3-е), б) объект действительности, относительно которого осуществляется языковая референция (также οὐσία и ὑποκείμενον). Все падежи имени обозначают третье грамматическое лицо (кроме вокатива, обозначающего второе лицо).

Категория πρόσωπον в значении объекта действительности, являющегося одновременно объектом языковой референции, включает в себя противопоставление двух элементов: τὸ αὐτὸ πρόσωπον и ἕτερον πρόσωπον – 'тождественное лицо' и 'другое лицо'. 'Тождественное лицо' – это объект действительности, о котором идет речь в предложении; 'другое лицо' – это объект действительности, отличный от первого.

Наиболее общая интерпретация противопоставления прямого и косвенного падежей в лингвистической теории Аполлония Дискола и связана с противопоставлением признака тождественного и другого 'лица'. С точки зрения говорящего первый (или даже единственный) объект действительности, о котором он желает сообщить в предложении, обозначается через прямой падеж. Всякий отличный от первого объект действительности, упоминание которого говорящий вводит в предложение (сообщение), обозначается через косвенный падеж. По мнению Аполлония Дискола, подобная тенденция вызвала появление в греческом языке возвратного местоимения, которое специально обозначает 'лицо' косвенного падежа, совпадающее с исходным пунктом движения – 'лицом' номинатива.

⁸ Ibid.

Предложение типа ἐμὲ τύπτω (“я бью меня”) недопустимо в греческом языке, так как основное значение косвенного падежа (в том числе у личных местоимений) – ‘другое лицо’, и в случае с ἐμὲ τύπτω возникает как бы семантический парадокс (антиномия, или, по Аполлонию Дисколу, ἀκαταλλήλοτης – “несоответствие”): ἐμὲ – 1-е лицо (грамматическое), τύπτω – тоже 1-е лицо, значит, ἐμὲ обладает, как будто, признаком тождественного лица, но одновременно ἐμὲ, являясь косвенным падежом, представляет ‘другое лицо’. В выражении ἐμὲ τύπτω обозначается в одно и то же время и тождество, и различие ‘лица’, тождество и различие объекта сообщения. Избегая подобных сочетаний, язык изобрел возвратные местоимения со специальным значением ‘тождественного лица’ в косвенных падежах.

Что касается глагола, то он обозначает либо тождество лица, либо различие, либо и то и другое вместе: тождество – в сочетании с прямым падежом, различие – в сочетании с косвенным (кроме возвратного местоимения), и то и другое – в сочетании с прямым и косвенным падежами.⁹

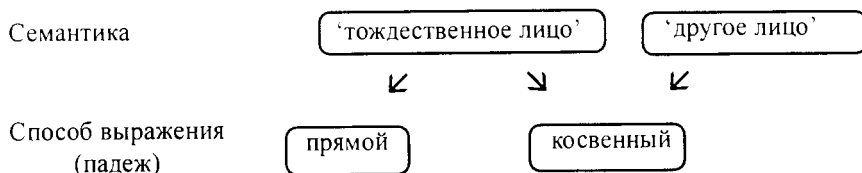
Для случая обозначения глаголом ‘другого лица’ Аполлоний Дискол вводит понятие ‘перехода’ (μετάβασις или διάβασις), из которого впоследствии в лингвистике развилось понятие ‘переходности’. Но, в отличие от нашей ‘переходности’, являющейся характеристикой глагола или действия, у Аполлония Дискола это – характеристика лица; соответственно, он говорит о ‘переходе лица’: διάβασις (μετάβασις) τοῦ προσώπου (τοῦ αὐτοῦ προσώπου или ἑτέρου).¹⁰ По-видимому, под μετάβασις (διάβασις) Аполлоний Дискол понимает не просто направление действия от агенса к пациенсу (переходность), но подразумевает момент действительного или воображаемого соприкосновения объектов сообщения (‘лиц’), их контакт.

Итак, прямой и косвенный падежи противопоставлены по признаку тождества и различия лица. При этом соответствие ‘прямой падеж – ‘лицо (тождественное)’, а косвенный падеж – ‘другое лицо’ не является одно-однозначным (вне фиксированных точек зрения): ‘лицо’ косвенного падежа совпадает с ‘лицом’ номинатива, когда употреблено возвратное местоимение. Отсюда следует, что признак тождественности лица может быть выражен при помощи и прямого, и косвенного падежа. Зато признак различия лица всегда выражается через косвенный падеж.

⁹ *Ibid.* III §14.

¹⁰ *Ibid.* II §141; III §16.

Эти результаты можно представить в виде следующей схемы:

Выводы: данная интерпретация, при фиксированной точке зрения, предоставляет два однозначных соответствия: *a.* ‘другое лицо’ всегда соответствует косвенному падежу (точка зрения: от семантики к способу выражения, но не наоборот), *b.* прямой падеж всегда соответствует ‘тождественному лицу’ (точка зрения: от способа выражения к семантике, но не наоборот).

Реконструированная интерпретация оппозиции прямого и косвенных падежей в лингвистической теории Аполлония Дискола обладает, таким образом, большей степенью общности, чем предложенная Я. Пинборгом, поскольку применима и к пассивной конструкции. Сам Аполлоний Дискол, опираясь на указанное понимание противопоставления, в отчетливом виде его не формулирует. Не исключено, что нечто систематическое на этот счет присутствовало у него в специальном сочинении о падежах – Περὶ πτώσεων, которое до нас не дошло.

Легко заметить, что реконструируемая интерпретация дается с позиции общей теории языкового знака – противопоставления означающего означаемому. Определенные семиотические представления – стоическое наследие – отчетливо прослеживаются у Аполлония Дискола. В фиксированной точке зрения проявилось противопоставление так называемой грамматики слушающего (от способа выражения к семантике) и грамматики говорящего (от семантики к способу выражения), которое не чуждо лингвистической теории Аполлония Дискола также, по-видимому, как следствие специфической теории знака, унаследованной от стоиков.

Косвенным подтверждением правильности нашей реконструкции того, как Аполлоний понимает противопоставление падежей, служит отрывок из схолиев к Τέχνη γραμματική Дионисия Фракийского, в котором говорится, что косвенные падежи *πλαγιάζουσι τὸν λόγον εἰς ἕτερον μεταφέρουσαι πρόσωπον, ὡς τὸ Σωκράτους ἀναγινώσκοντος ἤκουσα, Πλάτωνι ἐξηγουμένῳ παρήμην, Ἀρίσταρχον διαλεγόμενον ἐθαύμασα (Scholia Marciana),¹¹* то есть (буквально) “наклоняют вы-

¹¹ GG pars I. vol. II. p. 383, 22 sq.

сказывание, перенося (его) на другое лицо, например: я слушал читающего Сократа, я сидел возле объясняющего Платона, я дивился беседующему Аристарху”. В этом отрывке глагол $\pi\lambda\alpha\gamma\acute{\iota}\alpha\zeta\omega$ (свойство косвенных падежей) явно поясняется причастным оборотом $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ ἑτέρου μεταφέρουσα πρόσωπον: ‘наклонять’ означает ‘направлять (буквально: переносить) на другое лицо’.

В примерах, которые приводит схолиаст на то, как высказывание ‘наклоняется’ в результате введения в него ‘другого лица’, привлекает внимание наличие в каждом из них причастия, согласованного с косвенным падежом ($\alpha\nu\alpha\gamma\iota\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega\nu$, $\epsilon\acute{\xi}\eta\eta\theta\acute{\upsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, $\delta\iota\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$). Зачем в примерах на употребление косвенного падежа нужно причастие? Его появление вызвано не желанием украсить или распространить предложение. Оно связано с наблюдением Аполлония Дискола, что тождество лица обозначается личной формой глагола только в сочетании с прямым падежом, который может извлекаться, по Аполлонию Дисколу, и из личной формы глагола. Но ведь косвенный падеж является также либо именем, либо местоимением, а лицо, обозначаемое именем или местоимением, либо действует, либо подвергается воздействию (претерпевает). Действие же и претерпевание выражаются глаголом. (По Дионисию Фракийскому: $\rho\acute{\eta}\mu\acute{\alpha}$ ἔστι λέξις ἄπτωτος... ἐνέργειαν ἢ πάθος παριστάσα.¹² “Глагол – это беспадужное слово... представляющее действие или претерпевание”.) Значит, в принципе, язык не должен исключить возможность сочетания косвенных падежей с глаголами для обозначения действия или претерпевания. Для этого случая, по Аполлонию, изобретено причастие, а схолиаст приводил свои примеры, имея в виду, очевидно, эту идею.

II. Структурная интерпретация противопоставления ‘прямой – косвенный падеж’

Помимо семантической интерпретации, в лингвистической теории Аполлония Дискола и зависящих от нее схолиях к Дионисию Фракийскому присутствует идея структурной интерпретации противопоставления прямого и косвенных падежей.

Структурная интерпретация связана с осмыслением мотивировки терминов $\acute{\omicron}\rho\theta\acute{\eta}$ ($\epsilon\upsilon\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha$) и $\pi\lambda\acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\varsigma$ в рамках лингвистической теории Аполлония Дискола. Мотивировка, приписываемая этим терминам различными грамматиками, могла отличаться от первоначальной метафоры, лежавшей в основании соединения этих прилагательных с тер-

¹² GG pars I. vol. I. p. 46. 4.

мином πῶσις в единое терминологическое сочетание. Помимо этого, структурная интерпретация связана с более детальным противопоставлением отдельных элементов внутри категории падежа.

Схолиаст Дионисия Фракийского заявляет следующее:

... πᾶς γὰρ λόγος ἔχων αὐτὴν (sc. τὴν ὀρθὴν πῶσιν) ἐρήρεισται καὶ ὀρθός ἐστὶν πλάγιος (δ') οὐκέτι ποιεῖ τὸν λόγον ὀρθόν, εἰ μὴ εὐθεῖα φαίνοιτο. “Σωκράτους ἀναγινώσκοντος ἤκουσα” δηλονότι ἐγώ. Ἀλλὰ καὶ ἡ κλητικὴ συνίστησι λόγον, οἶον “ἀναγίνωσκε ἄνθρωπε”· δυνάμει οὖν (καὶ) αὐτὴ εὐθεῖα... (*Scholia Marciana*).

...ибо всякое высказывание, имеющее прямой падеж, устойчиво и прямо; косвенный же падеж уже не делает высказывание прямым (≈ способным к независимому существованию), если не окажется прямого падежа, “услышал читающего Сократа (= чтение Сократа)” – то есть “я”. Впрочем, и вокатив образует высказывание, например, “человек, читай”. Следовательно, по силе и он является прямым (= способным образовывать самостоятельное высказывание).¹³

В этом отрывке практически каждое слово важно для понимания того, какая мотивировка приписывалась прилагательным ὀρθή и πλάγιος как грамматическим терминам. Прямой падеж – это тот, который делает возможным существование высказывания, в том числе – вокатив. Правда, вокатив является прямым падежом только функционально (δυνάμει), а не “по природе” (φύσει). В лингвистической теории Аполлония Дискола понятия δυνάμει и φύσει противопоставлены как разные точки зрения. Если бы мы переводили эту теорию на язык современной лингвистики, то вместо φύσει можно было бы сказать “исторически”, а вместо δυνάμει – “структурно”.

Как видим, вокатив является прямым падежом с точки зрения структуры языка, между тем как косвенный падеж не способен образовывать высказывание самостоятельно и находится в структурной зависимости от прямого падежа (с точки зрения существования высказывания).

Не исключено, что на смысл, вкладываемый в противопоставление терминов ‘прямой’ и ‘косвенный (наклонный)’ в грамматике, оказало влияние противопоставление понятий прямой и наклонной линии в геометрии (ὀρθή, или εὐθεῖα, и πλάγια γραμμή). Известно, что

¹³ GG pars I. vol. III. p. 230. 24 sq. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в примерах Аполлония личное местоимение в номинативе отсутствует, но личная форма греческого глагола недвусмысленно указывает на последнее, в то время как формы прошедшего времени русского глагола лишены подобной однозначности и требуют пояснения.

наклонная линия не имеет самостоятельного существования, вне соотнесения с некой исходной прямой, относительно которой она и является наклонной.

В пользу возможного влияния геометрии на восприятие грамматиками указанных терминов и интерпретацию противопоставления обозначаемых ими понятий говорит то обстоятельство, что в античности геометрия рассматривалась как образец научного знания и служила объектом подражания в других областях науки, включая грамматику. Так, общеизвестно, что понятие аналогии проникло в грамматику именно из геометрии. Заимствование научной терминологии из одной области знания в другую – обычное явление и в наше время.

Выводы. 1. Термин ‘прямой падеж’ употребляется в смысле ‘самостоятельный’: он не зависит от других падежей с точки зрения существования высказывания. 2. Термин ‘косвенный падеж’ употребляется в смысле ‘несамостоятельный’: он зависит от прямого падежа с точки зрения существования высказывания, причем прямой падеж может не присутствовать в высказывании явно, а мысленно извлекаться из глагольной формы. (Вспомним употребленный схолиастом глагол ἐρείδω: косвенный падеж нуждается как бы в ‘опоре’ – в номинативе.)

В общем виде структурная интерпретация противопоставления прямого и косвенных падежей, как она нами реконструируется, выглядит так: прямой и косвенные падежи противопоставлены по признаку зависимости – независимости друг от друга с точки зрения возможности существования высказывания.

Е. А. Поликарпов

Санкт-Петербургский университет

The aim of the paper is to enucleate the foundations underlying the opposition between the nominative and the oblique cases which is inherent in the linguistic theory of the most prominent linguist of classical antiquity Apollonius Dyscolus. These foundations are not stated explicitly in the extant collection of his texts.

The interpretations which have been offered so far in order to explain the foundations of this opposition are either modernizing (a ‘subject – complement’ interpretation) or less generalizing than desired, and thus somewhat lacking in explanatory force (a ‘subject – object’ interpretation).

There are two interpretations of the opposition offered in the paper: a semantic and a structural one.

The first interpretation is based on the fact of the opposition of the notion of 'the same person (object)' and that of 'the other person (object)'. The indicated opposition is frequently used by the grammarian in his explanation of linguistic phenomena.

The second interpretation is based on a certain parallelism between the ideas connected with the corresponding grammatical terms and their geometrical homonyms. In geometry, an oblique line implies the idea of a straight one to which it is inclined. Similarly, in grammar, an oblique case implies the idea of a 'straight' one (i. e. a nominative).